
Н. С. РОЗОВ

ДРЕВНОСТЬ ДВУЯЗЫЧИЯ, ГЕНЕЗИС РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

*В статье обосновывается сложность языковой обстановки в до-
временных обществах вследствие слабости бюрократии и отсутствия
централизованных образовательных систем. Наряду с «нижними» ло-
кальными языками, диалектами, говорами использовались «средние» (ре-
гиональные) языки и «верхние» миросистемные (имперские, священные,
lingua franca). Поэтому двуязычие (диглоссия) было скорее правилом, чем
исключением. Предложена альтернативная версия ставшему почти об-
щепринятым положению о происхождении романских языков из «народ-
ной латыни». Показано, что на огромных имперских пространствах не
мог существовать единый «народный язык», пусть и с диалектами.
В решении проблемы происхождения романских языков необходимо учи-
тывать диглоссию, сложное сочетание «горизонтальной» и «вертикаль-
ной» структур, а также формирующую роль перехода к письменности.
Такой взгляд ставит под сомнение оправданность традиционной сверх-
цели макрокомпаративистики на реконструкцию праязыков (праиндоев-
ропейского, ностратических и т. п.). Намечена альтернативная страте-
гия изучения языковых следов в связи с реконструкциями древних мигра-
ций, завоеваний, смешений и заимствований на основе генетических, эт-
нографических данных и макросоциальных закономерностей.*

Ключевые слова: *эволюция языков, языковое родство, историческая со-
циолингвистика, народная латынь, архаическая латынь, переход к письмен-
ности, романские языки.*

*The article substantiates the complexity of the linguistic situation in pre-
modern societies due to the weakness of bureaucracy and absence of central-
ized educational systems. Along with “lower” local languages, dialects, and
accents, “the middle” (regional) languages and “upper” (imperial, sacred,
lingua franca) languages were used. Therefore, bilingualism (diglossia) was a
rule rather than an exception. An alternative version is offered to the almost*

generally accepted statement on the origin of the Romance languages from the “folk Latin”. It is shown that a single “vernacular language” could hardly exist in the vast imperial spaces, even with dialects. In solving the problem of the origin of Romance languages, it is necessary to consider diglossia, the complex combination of “horizontal” and “vertical” structures, as well as the formative role of the transition to the written language. Such a view calls into question the justification of the traditional super aim of macro-comparativism to reconstruct the proto-languages (Proto-Indo-European, Nostratic, etc.). An alternative strategy for the study of linguistic traces in connection with the reconstruction of ancient migrations, conquests, mixtures, and borrowings based on genetic, ethnographic data and macrosocial patterns is outlined.

Keywords: language evolution, linguistic kinship, historical sociolinguistics, folk Latin, archaic Latin, transition to writing, Romance languages.

Языковые иерархии в досовременных обществах

В древнейшие – догосударственные – эпохи при затрудненных контактах говоры и диалекты отдалялись друг от друга, образуя языковое разнообразие и так называемую «языковую непрерывность». При сохранении общения в рамках региона благодаря спорадическим собраниям, пирам, обменам, военной мобилизации непременно формировался некий аналог *койне*. Такого рода общие языки, объединяющие соседние разноязычные сообщества, но не являющиеся государственными или имперскими, будем далее называть *региональными, или средними, языками*¹. Нередко они являются смешанными, то есть совмещают лексику, фонетические особенности, конструкции *местных, или локальных, или нижних языков*. Люди, включенные в такое общение, владели как минимум двумя языками. Остатки этого явления фиксируются по сию пору:

...немногочисленные индейцы пуэбло, живущие в штате Нью-Мексико, говорят сегодня на трех разных языках: *таноан, кересан* и *зуни*. При этом язык *таноан* делится, в свою очередь, еще на три: *тива, тева* и *това*, а язык *кересан* – на *западный кересан* и *восточный кересан* [Уайт 2006: 49].

В ранних государствах составлявшие их локальные сообщества насчитывали до 400 человек [Джонсон, Эрл 2017]. Местные, а ско-

¹ Ср. с нем. *Dachsprache* – «язык-крыша».

рее всего, региональные языки побеждающих завоевательных альянсов становились *государственными*.

Сами же государства, тем более империи, достигали численности в несколько миллионов человек (например, 14 млн человек у Инков). Здесь уже можно предполагать большее число языковых уровней. Наряду с завоеваниями государства, политики объединялись через обмены и культурную диффузию (преимущественно религиозное мессианство). Соответственно, формировались целостности – *миросистемы* – трех соответствующих типов:

- рыхлые, неустойчивые *мир-империи* и более централизованные, крепкие *империи* с военно-политическими принудительными связями;
- *мир-экономики* с товарным обменом, как правило, несимметричным;
- *культурно-религиозные ойкумены* [Структуры... 2001].

Цивилизации как поликультурные общности складывались первоначально на основе миросистем того или иного типа, но со временем дополнялись связями всех типов в силу всегда продолжавшейся геополитической, геоэкономической и геокультурной динамики.

В миросистемах складывались языки, охватывающие множество обществ, политий с их региональными языками и малыми местными языками, диалектами, говорами.

Таковыми были *имперские языки, распространявшиеся из завоевательного хартленда*, различные *lingua franca* в сети торговых узлов (наряду с языком средиземноморской сети, давшим это имя) и *священные языки*, на которых были написаны основополагающие книги прозелитических религий, в том числе ставших мировыми.

Языки межэтнического и транснационального общения могут менять свой характер, соединять в себе разные черты (таковы египетский, шумерский, аккадский, койне, латынь, иврит, арабский, тюркский и турецкий, санскрит, авестийский, древнеперсидский, древнекитайский, древнерусский, древнескандинавский, древнегерманский, *науатль* – язык ацтеков, *кечуа* – язык инков и др.). Поэтому далее для простоты все языки, охватывающие крупную многоязычную ойкумену, будем называть *миросистемными*.

Получаем следующую иерархию уровней языков в «вертикальном» измерении:

- *миросистемный язык* (имперский, священный, дипломатический, торговый);
- *государственные языки* княжеств и королевств становились *провинциальными языками*, если эти государства входили в рыхлую мир-империю на конфедеративных началах или были завоеваны, подчинены военной силой жесткой и сплоченной империи;
- *оставшиеся региональные языки* сообществ, включавших несколько этнических групп, представители которых (например, торговцы) использовали его при межэтническом общении; был ли в крупных империях один, два или более слоев региональных языков, неизвестно, поскольку письменных следов они не оставили, никогда не были формализованы и описаны; само различие слоев региональных и провинциальных языков если и было, то оставалось зыбким, подвижным и менявшимся от местности к местности; до обретения письменности *региональные языки* прямо зависели от характера взаимодействий между языковыми сообществами; поэтому они, скорее всего, были хрупкими, неустойчивыми, подверженными геополитическим, геоэкономическим и геокультурным пертурбациям, таким как завоевания, государственные объединения и распады, разрывы и налаживания торговых связей, смены веры;
- *локальные языки* местных сообществ, где внутри языкового сообщества каждый без труда понимал каждого; в сравнении с региональными эти «нижние» языки представляются гораздо более устойчивыми и ригидными, способными переживать макросоциальные потрясения; по-настоящему до них «добирались» только в позднейшую (нововременную?) эпоху;
- *диалекты и говоры* внутри локальных языков, сохранившиеся на уровне отдельных поселений.

Разумеется, приведенный перечень не означает, что каждый подданный такой империи владел тремя или более языками. Однако представители каждого социального слоя, чей круг общения выходил за пределы домашнего, владели как минимум *двумя коммуникативными системами*: для внутреннего, семейного, соседского круга и для общения с чиновниками, торговцами, всеми прочими из более широких кругов.

Существование языков, особенно региональных и локальных, которыми пользуются одни и те же люди (диглоссия), всегда ведет к лингвистическому взаимовлиянию. Лексика «верхних» языков («суперстрата») проникала на нижние уровни, но и «верхние» языки обретали региональную специфику под влиянием локальных языков и диалектов («субстрата»).

Переход к письменности не устранял многоязычие и диглоссию

Неслучайно именно *миросистемные языки первыми получали письменную форму*. Содержание древнейших надписей на храмовых стенах, мемориалах, стеллах и т. п. имеет религиозно-мифологический, генеалогический, имперско-административный, правовой характер (границы между этими аспектами были весьма зыбкими, если вообще присутствовали). Таким образом, самые ранние известные нам языки, представленные в записанных текстах (а не теоретически реконструированные), являются *языками империй и имперских религий*.

Письменность играла роль *структуры*, обеспечивавшей административные, фискальные, легитимационные *заботы империй*, *экономические заботы* фиксации торговых документов и бухгалтерских записей, *религиозные заботы* унификации и распространения священных текстов.

Распространение *миросистемных языков* на больших пространствах в форме эпиграфики (бытовой, надгробной, актовой и т. д.) не должно вводить в заблуждение. Никак нельзя согласиться с почти общепринятой молчаливой предпосылкой, будто бы в разных провинциях древних империй все подданные говорили на одном языке (например, на языке египетских иероглифов, шумерском, аккадском, греческом *койне*, латыни, санскрите, древнеперсидском, древнекитайском и т. д.).

«Верхним» – миросистемным – языком владели верхние страты чиновников, жрецов, нобилей, позже – часть торговцев и ремесленников. Остальное же население, в подавляющем большинстве неграмотное, говорило на своих региональных и/или местных языках, еще только ждущих письменной фиксации. Отметим, что в случаях завоевательных империй это были не диалекты одного языка

(как например, предполагалось в «субстратной» теории Г. Шухардта, К. Зитля и др., см. ниже), а большие ойкумены со схожестью местных языков и диалектов внутри, но значительной языковой дистанцией между самими ойкуменами.

Вплоть до появления эффективных систем начального образования и критической массы бюрократии, способной осуществлять централизованную языковую политику государства, никакого единства языка внутри крупных государств, тем более империй, просто не могло появиться.

В каждой крупной ойкумене с систематическими внутренними контактами обретший письменность миросистемный язык существенно усиливал свое влияние на еще устные региональные и местные языки, хотя и не отменял их.

Позднейшие переходы к письменности региональных и местных языков всегда были связаны с национальной и этнической политикой: с появлением и заботами легитимации новых государств, с культурной политикой империй в отношении «варварских» провинций, с подъемами этнического самосознания и т. п.

Единая письменность и разное произношение

При изобретении письменности и первых попытках ее распространения грамотных было очень мало, особенно на обширных имперских перифериях. В каждой провинции они произносили написанное на миросистемном языке (например, древнекитайском или латыни) *по-своему*, как обычно, сообразуясь со строем своего (регионального?) языка. Священники, чиновники или торговцы, прибывшие извне, вынуждены были хотя бы отчасти подстраиваться под местное произношение, чтобы понимать и быть понятыми.

Кардинальным событием для каждого национального языка было *создание письменного языка* (первые тексты на нем, переводы). Тезис можно сформулировать даже жестче: кодификация устной стихии в письме была во многих случаях *настоящим созданием самого языка*.

Иными словами, каждому из современных языков (например, европейских), известных по первым зафиксированным текстам (например, глоссам – вкраплениям в латинские тексты, правовым кодексам, переводам Библии или ее частей), *не предшествовал ка-*

кой-то готовый устный язык, а предтечей была сложная языковая обстановка: множество говоров, диалектов, один или более языков межэтнического общения (региональных, «священных», административных), уже записанные языки соседних сообществ, доступные конкурирующие азбуки и т. д.

Процесс обретения письменности никогда не был механической записью уже существовавшего «готового» языка, но всегда был творческим процессом, в котором к языку, выбранному в качестве базового, присоединялись разнородные элементы языкового окружения при огромном влиянии геополитических и геокультурных (конфессиональных, идеологических) факторов.

Следовало закрепить «правильное» написание вариантов каждого слова, «правильные» грамматические конструкции при наличии множества диалектных версий. Отчасти вследствие сложившейся политической, культурной конфигурации (на кого хочется быть более похожим, а от кого отдалиться), отчасти из-за случайных и субъективных факторов (кто именно, с каким образованием, геокультурными и политическими предпочтениями взялся за создание письменного языка данного народа) выбирался тот или иной вариант, либо, что наиболее вероятно, какой-то компромисс доступных вариантов.

Тем самым в новой национальной письменности закреплялись принятые ранее *местные варианты произношения* слов, написанных на более раннем *миросистемном* – имперском и/или священном – языке. Именно зафиксированный таким образом вариант становился официальным национальным языком, а остальные варианты (ранее равноправные с ним) оставались в статусе диалектов, говоров.

В основе всех сравнительно-лингвистических исследований и попыток реконструкции праязыков лежит аналогия с очевидным будто бы происхождением всех романских языков из латыни². По-

² Вот яркий пример утверждения такой «очевидности»: «Исторически зафиксированные примеры праязыков мы хорошо знаем – например, латинский язык, на котором в VIII в. до н. э. говорила крохотная горстка людей в Центральной Италии, а сегодня на его языках-потомках говорят миллионы людей по всему миру: это был вполне конкретный язык, который со временем разросся до “диалектного континуума”, из которого потом выделялись отдельные романские языки» [Старостин 2016: 199].

этому данный вопрос требует особого анализа, причем он оказывается далеко не таким простым и очевидным, как принято считать.

Происхождение романских языков: существовала ли общеимперская «народная латынь», пусть и с диалектами?

Вначале считалось, что праязыком является классическая латынь, которая затем «испортилась» (А. Шлегель, младограмматика). Затем стала доминировать версия, будто источником романских языков является некая «народная» (она же «вульгарная», или «разговорная») латынь, на которой, однако, «никто никогда сознательно не писал» (Ж. Моль).

При широком разбросе взглядов на предмет практически все специалисты считают «народную латынь» поздним языком, произошедшим или из некой загадочной «архаической латыни», или из классической литературной. Лишь немногие (Г. Шухардт, К. Зитль, М. В. Сергиевский) признавали «изначальную диалектальность народной латыни», появившуюся из взаимодействия латыни с языками завоеванных римлянами провинций.

Современные исследователи (В. фон Вартбург, Г. Рольфс, М. Кшепиньский, Г. Лаусберг) считают, что в основе современных романских языков лежат именно диалекты «народной латыни». Такова доминирующая версия, восходящая к «этнологической теории», или «теории субстрата» (Г. Шухардт, Г. И. Асколи, Ж. Вандриес и др.). Однако нередко по старинке сопоставляют варианты одного слова в разных романских языках со словом вполне классической латыни, поясняют механизмы происхождения романских языков опять же прямо из латыни, даже не упоминая «народную латынь».

«Теория субстрата», учитывающая «диалекты народной латыни», смотрится правдоподобнее, чем «порча классической латыни», но остается в рамках догмы о существовании единого «народного» или «общейталийского» языка (пусть и с разными «диалектами») на огромных пространствах – территориях распространения современных романских языков. Признание некоторыми специалистами множества местных автохтонных языков является важной уступкой, но не спасает положения, поскольку роль этих языков состоит

лишь в «дроблении» «народной латыни» и добавлении своего «субстрата»³.

Приводимые свидетельства широкой распространенности «народной латыни» не выдерживают критики. О начале латинской письменности судят главным образом по действительно обширной эпиграфике (есть многотомное продолжающееся издание «*Свод латинских надписей*», начатое еще Т. Моммзенем). Зитль и Мольте считали, что в этих надписях зафиксирован некий «общейталийский язык в народном употреблении» [Корлэтяну 1974: 90]. Надписи распространены на обширных имперских просторах, примерно соответствующих территориям распространения сложившихся позднее романских языков. Это указывает на статус языка надписей как *официального имперского*, что никак не отменяет существования в ту же эпоху нижнего слоя местных языков и диалектов. Тем более что даже в классической романистике признается: в «Своде» Т. Моммзена явно проступают «диалектальные черты» [Гурычева 1959: 22].

Одни надписи считаются более архаичными, чем классическая латынь, что вполне резонно, поскольку в них используются разнообразные местные алфавиты, когда привычный нам единообразный латинский алфавит еще не установился (были заимствованы и модифицированы буквы из греческого и египетского письма). Другие надписи считаются поздними, относящимися к периоду «разложения» и «порчи» латыни, а это уже крайне сомнительно, тем более что многие надписи, выполненные, как правило, в стандартном алфавите, оказались подделками [Надписи... 1897].

Вообще эпиграфика (надгробные, бытовые, актовые надписи и прочие текстовые памятники) не отражает разговорный язык и тем более не может свидетельствовать о каком-либо его единстве. Во всех этих случаях использовался официальный – государственный, имперский – язык, пусть в меру его местного понимания и грамотности.

Предпосылка существования «народной латыни» как единого языка на огромных имперских пространствах является ложной, по-

³ «Шухардт приходит к выводу, что большое влияние на образование романских языков оказали автохтонные языки, которые стимулировали дробление народной латыни и тем самым обусловили специфические особенности отдельных романских языков» [Гурычева 1959: 11].

скольку некому и некем было ее навязывать носителям местных и региональных языков: не было для этого ни государственной политики, ни достаточной бюрократии, ни системы школ. Могла преподаваться и навязываться только *столичная латынь* и только для узкого тогда образованного класса.

Элементы «народной латыни» в комедиях (например, Петрония) отражают только взгляд столичных литераторов на «деревенский говор» и не могут репрезентировать языковую реальность обширного населения империи.

Попытка романистов опереться на авторитет Цицерона неудачна, поскольку в приводимой цитате классик указывает не на фантастическую картину «процесса дифференциации латыни», а на совсем иную, вполне правдоподобную и ожидаемую языковую ситуацию:

Так как существует некий определенный склад речи, свойственный римлянам и горожанам, в котором ничего не может оскорбить слуха, не понравиться или вызвать осуждения, в котором ничего не напоминает иноземцев, будем ему следовать и учиться избегать деревенской грубости и непривычного иноземного произношения [Cicero. De orat. 3, 12. 44, цит. по: Гурычева 1959: 8].

В этом высказывании нет даже намека на происхождение «деревенской грубости» и «непривычного иноземного произношения» (читай: «народной латыни» и произношения латинских слов чужаками – «варварами») из «склада речи... в котором ничего не может оскорбить слуха» (читай: классической литературной латыни), а есть только указание на их различие. При этом вполне понятно, что имели место разные варианты «иноземного произношения». Иными словами, Цицерон достаточно ясно свидетельствовал о том, что наряду с его благородной столичной латынью существовало *большое разнообразие вариантов устной латыни в артикуляции «иноземцев»*. Последние, вероятно, были носителями своих *региональных*, или *провинциальных* («варварских»), языков, распространенных за пределами имперского хартленда.

При всем этом близость романских языков с латынью как *миросистемным языком* – имперским, столичным, религиозным, ли-

тературным – не вызывает сомнений. Если отвергнуть начальную наивную идею «порчи классической латыни» и признать, что единой «народной латыни» никогда не было, то как объяснить эту явно родственную связь?

Эффекты кодификаций латинизированных региональных языков

Первоначально обрела письменность латынь в своем «архаическом» состоянии (никак не рафинированная «классическая» латынь со стройной выверенной грамматикой – плодом ученого конструирования). Между этим *миросистемным языком* и нижним слоем местных языков существовал как минимум один средний слой региональных разговорных языков, объединявших сообщества в крупных частях империи и на варварских окраинах, бывших под ее культурным влиянием. Эти языки обозначаются в литературе как разные «ветви латыни»:

три различные ветви: иберская латынь, легшая в основу испанского, португальского и каталонского; галльская латынь, послужившая началом французского и провансальского, и итало-балканская латынь, давшая начало итальянскому и восточнороманским языкам [Корлэтяну 1974: 86].

Могло быть два и более слоев таких *региональных языков*, например, итало-балканский включал итальянский и восточнороманский. Будучи разговорными, они вообще не обязаны были иметь между собой сколь-нибудь четкие границы как по «горизонтали» (территориально), так и по «вертикали» (по общности/локальности). С наибольшей вероятностью эти *региональные языки* среднего уровня объединяли как элементы «верхнего» имперского языка (архаичной латыни), так и элементы «нижних» местных автохтонных языков (ср. с *суржиком* на западных окраинах России и в восточной Украине).

Будучи языком власти и религии, латинский язык был престижным, поэтому его лексика и базовый синтаксис проникали в толщу «средних» *региональных* и даже «нижних» *локальных языков и диалектов*. Однако записанные латинские слова по мере распространения письменности в каждой местности произносились по-разному по той причине, что обретенный при освоении родного

языка фонетический строй (способность произносить, распознавать фонемы и их сочетания) является крайне ригидным.

Первые записи на (будущих) национальных языках, как правило, содержатся в латинских источниках как толкования на полях (глоссы в библейских и юридических текстах), записи свидетельских показаний (таковы записи итальянской речи в «*Капуанских тяжбах*»). Известны также нотариальные акты (сардинский язык), союзнические договоры, присяги, клятвы, королевские завещания, жизнеописания святых (каталонский, французский, провансальский, португальский языки) и т. д.

По мере усиления региональных элит и роста национального самосознания обладание собственным языком стало весьма значимым фактором легитимности политических претензий, геополитического и геокультурного престижа. В эту уже довольно позднюю эпоху⁴ стали по-настоящему создаваться национальные романские языки, через переводы священных книг, правовых кодексов, запись местных популярных сказаний, составление исторических летописей, написание грандиозных литературных произведений типа «*Божественной комедии*» и «*Песни о Роланде*».

Создание национального языка включало прежде всего запись латинскими буквами принятого в данном регионе языкового состава: специфического произношения латинских слов и слов «среднего» регионального языка, уже ранее испытывавшего «суперстратное» латинское влияние, с восполнением семантических лакун за счет «субстратной» лексики местных языков (галльских, иберийских, кельтских), чтимого гуманистами греческого *койне*, а также языков соседних каждому региону ойкумен (готских, германских, персидских, славянских).

Кто, с какой целью и на какой основе создавал письменность? Вообще создание письменных языков – это ведь принципиально иной процесс, чем складывание первоначальных устных. За редкими исключениями (как правило, поздними) создатели письменности неизвестны. Что касается романских языков, то даже без углубле-

⁴ Для подавляющего числа романских языков надежные датировки первых письменных текстов не древнее XVI–XVII вв. (расцвет гуманизма). Более древние романские литературы (провансальская, французская, итальянская и др.) являются исключением, а не правилом.

ния в конкретные истории (в разной степени легендарные или откровенно фантастичные) можно сделать следующие общие предположения:

1) создатели национальной письменности владели латинским языком на той или иной стадии его развития;

2) они были учеными гуманитариями, получившими образование в школах либо монастырях, университетах, находившихся под прямым покровительством церкви, а позже – под влиянием гуманистической традиции, превозносившей классическую латынь;

3) они были заинтересованы в повышении престижа, легитимности государства, страны, народа, для которых взялись за такую ответственную и труднейшую работу;

4) создатели стремились придать создаваемому письменному (фактически новому) языку солидность и респектабельность, с одной стороны, используя лексику и конструкции латыни как высокопрестижного (священного, имперского) языка, с другой стороны, подчеркивая специфику, отличительную особенность нового национального языка, утверждая тем самым претензии на суверенность соответствующей политики (княжества, королевства, как правило, бывшей имперской провинции);

5) с практической точки зрения создававшийся письменный язык должен был оставаться в широком культурном круге владеющих латынью (романском мире), но при этом он должен был пониматься и восприниматься как «свой» местными жителями, по крайней мере, военно-политическими элитами;

6) в «высоких» сферах политики, права, администрирования, учености, религии, международной торговли использовались региональные варианты прочтения общеупотребительных латинских слов;

7) в «низких» сферах быта и повседневности, скорее всего, в письменный язык включались слова регионального языка или даже малых местных языков и диалектов, здесь зависимость от латыни существенно снижалась или даже вовсе отсутствовала⁵.

⁵ Анализ классического 200-словного списка М. Сводеша показывает, что самые простые, «бытовые» слова, такие как «кора», «птица», «перо», «жечь», «нога», «песок», «желтый», «грязный», «близкий», «лежать», «резать», «царапать», «вытирать» и другие, в разных романских языках (от португальского и га-

Положения 1–5 могут быть проверены по каждому романскому языку в отдельности при наличии достаточных исторических данных. Положения 5–7 могут быть проверены анализом древнейших текстов романских языков методами сравнительной лингвистики.

Разумеется, тезисы 1–7 могут и должны быть уточнены, но вряд ли они будут полностью опровергнуты, поскольку основываются на солидных и многократно подкрепленных макросоциальных принципах.

Если тезисы принять в целом, то догмат «романские языки произошли из латыни» выглядит, мягко говоря, сомнительным, даже с учетом хитроумной оговорки «из *народной латыни* при влиянии местных диалектных субстратов».

Картина складывается совершенно иная. Явное родство романских языков между собой и их общая близость к латыни объясняются сложным многошаговым процессом:

- начальный дописьменный этап «языковой непрерывности» *местных языков, диалектов, говоров*;

- над местными языками и диалектами складывались, развивались устные, разговорные *региональные языки* межэтнического общения;

- завоевания привели к распространению *миросистемных языков*, уже имевших письменность (греческий *койне*, архаическая латынь с неустойчивым написанием букв и слов); имели место значительные региональные особенности этих языков в письме и особенно в произношении;

- подвижные, «отзывчивые» *региональные языки* вбирали в себя, особенно в «высоких сферах», большие массивы латинской лексики, языковых конструкций, но переименовывали их, каждый согласно своему фонетическому строю;

- эти *региональные языки* и стали впоследствии основой романских языков, которые создавались как письменные при записи латинскими буквами их особого лексического и фонетического строя соответственно положениям 1–7.

Признание средних уровней разговорных языков объясняет близость одних романских языков между собой и отдаленность от других.

лисийского до румынского) не только далеки от латинского варианта, но и существенно различаются между собой.

От традиционного поиска единых «праязыков» – к мультидисциплинарной реконструкции макросоциальных процессов преистории

Учтем, что постулат «происхождения романских языков из латыни» всегда был и до сих пор остается непререкаемым архетипом, образцом исторической и сравнительной лингвистики. Разрушение этой догмы значимо не только и не столько для дискредитации непрекращающихся попыток реконструировать всевозможные единые праязыки («праиндоевропейский», «ностратический» и пр.). Есть также конструктивное и перспективное оправдание посягательства на чуть ли не главную «священную корову» исторической лингвистики⁶.

Особенностью макрокомпаративистского подхода (тем более глоттохронологии) остается его «дисциплинарная чистота» – почти полное замыкание в лингвистических рамках. С этой чертой также связана чуть ли не мистическая вера в «фонетические законы (правила)», которые интерпретируются как указания на «выведение» одного языка из другого. Так у С. А. Старостина: «все фонемы языка *B* выводятся из фонем языка *A*» и т. п. [Старостин 2007].

Складывается впечатление, что ставшее уже традиционным направление реконструкции всяческих «единых праязыков» про-буксовывает⁷. Гораздо более многообещающим представляется *выявление причин и хода прошлых социальных, культурных и лингвистических трансформаций на основе систематического сопоставления оставшихся от них многообразных «следов» в различных языках.*

С точки зрения социолингвистики языковые конструкции определяются тройственным образом:

1) *функционально* – от забот социального взаимодействия и соответствующих коммуникативных задач во время основного формативного периода каждого языка;

⁶ Н. С. Трубецкой был достаточно смел, чтобы усомниться даже в существовании «праиндоевропейского языка» – непререкаемого идола сравнительной лингвистики [Трубецкой 1987: 48].

⁷ Об этом свидетельствует явный сдвиг тематики публикаций в этой области: от смелых, масштабных теоретических работ (пусть в чем-то наивных) XIX–XX вв. – к детализованным, но крайне узким, робким в теоретическом плане эмпирическим исследованиям последних лет.

2) *структурно* – с опорой на наличные ингредиенты в лингвоспецифических языковых средствах и речевых способностях;

3) *процессуально* – через конкретные практики множественных проб, переименования и механизмы закрепления в соответствующем языковом сообществе.

Вообще говоря, в структурах каждого известного языка должны оставаться следы всех трех источников. Базовую теоретическую модель можно упрощенно обозначить такой цепочкой причинности: «*природные и охватывающие социальные ниши* → *порядки взаимодействия* → *групповые и индивидуальные заботы членов языкового сообщества* → *коммуникативные заботы (+ ранее сложившиеся языковые структуры + доступные средства из других языков + сложившиеся практики языковых проб и распространения языковых новшеств)* → *языковые изменения*».

Путь к полноценному теоретическому пониманию языкового разнообразия лежит через объяснение последнего звена цепочки – *процессов конкретных языковых изменений* как экспланандума. Ближайшими экспланансами являются части предыдущего звена цепочки:

- *уже присутствующие в языке структуры (фонетические, лексические, синтаксические в широком смысле)*, дающие как новые возможности модификаций, добавлений, сокращений, так и ограничения, зачастую весьма жесткие; в исторической лингвистике предыдущие состояния языка либо фиксируют по сохранившимся текстам (счастливые случаи языков с долгой письменной традицией), либо реконструируют согласно выявленным закономерностям (с разной степенью надежности);

- *лексические и иные средства других языков*, доступные благодаря внешним контактам, которые в той или иной мере можно выявить на основе исторических сведений;

- *сложившиеся практики языковых проб – ритуалов переименования, повторения удачных вариантов, характер распространения языковых новшеств*; такие традиционные практики или их остатки выявляются *методами социолингвистики*;

- *прошлые коммуникативные заботы*, реконструировать которые можно разве что гипотетически на основе общих закономерностей

стей (например, склонностей в разных условиях упрощать речь или, наоборот, насыщать ее оборотами, словоформами, усложненными конструкциями, терминологией, неологизмами), а также исторических сведений о порядках взаимодействий, об охватывавших данное языковое сообщество социальных и природных нишах.

Не замыкаясь в рамках лингвистики (с «фонетическими законами» и статистикой лексических обновлений), следует реконструировать ход эволюции языковых семей и языковых союзов, региональных и миросистемных языков в связи с изучением (гео)политических, (гео)экономических, (гео)культурных процессов, менявшихся социальных порядков в истории соответствующих языковых сообществ [Структуры... 2001].

Действительно, в 7–8 тысячах известных языков, которые всегда были «симбионтами» реальных сообществ, запечатлена не только сугубо лингвистическая история (с фонемами, лексемами и т. п.), но также косвенным образом – история людей с миграциями, обменами, союзами и враждой. Перспективными представляются исследования реальной языковой эволюции с учетом диглоссии и «вертикального измерения» от местных до миросистемных языков с использованием концепции их зависимости от менявшихся социальных порядков и коммуникативных забот.

Многие языковые тайны раскроются, если удастся выявить систематические трансформации языков при создании национальных письменностей, что всегда сильно зависело от охватывавших геополитических и геокультурных явлений.

История народов, в том числе языковых сообществ, особым образом запечатлена в генах живых людей, в останках, доступных палеогенетическому анализу, а также в мифах, сказках, песнях, эпосе и т. д. Давние волны расселения и миграций распознаются на основе сравнения фольклорных, прежде всего мифологических мотивов [Stone *et al.* 2007; Коротаяев и др. 2011; Васильев и др. 2015].

Научные перспективы эволюционной и исторической социолингвистики во многом будут определяться способностью сотрудничества с социальной и культурной палеоантропологией, с анализом генетических, фольклорно-мифологических маркеров, разнообразных данных археологии.

Литература

Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табарев А. В. Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб. : Нестор-История, 2015.

Гурычева М. С. Народная латынь. М. : Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1959.

Джонсон А., Эрл Т. Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017.

Корлэтяну Н. Г. Исследование народной латыни и ее отношения с романскими языками. М. : Наука, 1974.

Королев А. А. Галльский язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки / под ред. Н. Н. Семенюк, В. П. Калыгина и др. М. : Academia, 2000. С. 424–427.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Боринская С. А. Мифы и гены: происхождение и эволюция дуалистических космогоний в кросс-культурной перспективе. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.

Надписи. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XX (1897): Московский Университет – Наказания исправительные. С. 437–445.

Старостин Г. С. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским. М. : Дело, 2016.

Старостин С. А. О доказательстве языкового родства / С. А. Старостин // Труды по языкознанию. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 779–793.

Структуры истории. Альманах «Время мира», Вып. 2. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001.

Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме / Н. С. Трубецкой // Избранные труды по филологии. М. : Прогресс, 1987. С. 44–59.

Уайт Д. М. Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура. М. : Центрполиграф, 2006.

Stone L., Lurquin P. F., Cavalli-Sforza L. L. Genes, Culture, and Human Evolution: A Synthesis. Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2007.